

М. А. Лаппо

Новосибирск, Россия

М. А. Lappo

Novosibirsk, Russia

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ VS НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ
ДИСКУРС: ДВЕ СТРАТЕГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ**

**OFFICIAL VS UNOFFICIAL DISCOURSE:
TWO STRATEGIES
OF NATIONAL SELF-IDENTIFICATION**

Аннотация. *Анализируются две дискурсивные стратегии национальной самоидентификации, существующие в настоящее время в России. Первая реализуется в официальном дискурсе, так называемом дискурсе власти. Вторая стратегия представлена в неофициальном дискурсе, так называемом дискурсе ненависти, дискурсе оппозиции.*

Abstract. *The goal of this article is to analyse two discourse strategies of national self-identification in modern Russia. The first strategy shows up in the official discourse, the so-called discourse of power. The second strategy is presented in unofficial discourse, the so-called discourse of hatred or opposition discourse.*

Ключевые слова: самоидентификация; дискурс-анализ; дискурс власти; дискурс ненависти.

Key words: self-identification; discourse analysis; discourse of power; discourse of hatred.

Сведения об авторе: Лаппо Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.

About the author: Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Контактная информация: 630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28.
e-mail: lappo2000@mail.ru.

Необходимость определения национальной принадлежности непосредственно вытекает из двух важнейших человеческих потребностей — этнической (отнесение себя/другого к национальной/расовой/этнической группе) и тесно связанной с ней идеологической/культурологической потребности (причисление себя/другого к категории людей, одинаковыми либо разными способами осваивающих действительность) [Ершов 1990: 328].

тервью первых лиц России — Д. А. Медведева и В. В. Путина, — опубликованные на сайтах www.президент.рф, www.premier.gov.ru, www.rosnation.ru, www.moskva-putinu.ru и др. Стратегию этих текстов можно назвать стратегией укрепления гражданско-национальной идентичности жителей России, объединения этнических групп и поиска компромисса между ними.

При этом, во-первых, наиболее четко идентичность осознается в ситуации конфликта, конфронтации, противопоставления/сопоставления, во-вторых, идентичность — это дискурсивное и диалогическое явление. Иными словами, чтобы осознать свою идентичность, надо вступить в диалог, пусть и гипотетический/заочный с неким противостоящим, противоположным существом, «другим»: «Самоидентификацию следует рассматривать как дискурсивный процесс, так как условием его возможности всегда выступает номинация или сигнификация. Самоидентификация разворачивается как онтологическая способность к самоименованию в рамках дискурсивных практик. Она носит перформативный характер» [Палагута 2009: 51].

Вторая стратегия представлена в неофициальном дискурсе, так называемом дискурсе ненависти, дискурсе оппозиции. Часть из них — это тексты книг и газет, которые вряд ли можно купить в книжном магазине или газетном киоске. Они распространяются по определенным каналам, а к лингвисту чаще всего попадают в качестве объекта лингвистической экспертизы. В то же время материалы многих из них всегда можно найти на соответствующих сайтах в Интернете. В данной статье будут использованы примеры из газет «Родная Сибирь», «Русский рубеж сибирских казаков» и книг В. С. Медведева, В. Е. Хомякова и др. Стратегия укрепления национальной идентичности русских, реализуемая в них, также заслуживает нашего внимания.

Цель данной статьи — проанализировать две дискурсивные стратегии национальной самоидентификации, существующие в настоящее время в России. Хотя и та, и другая стремятся укрепить национальную идентичность, их в определенном смысле можно назвать противоположными, конкурирующими друг с другом, потому что первая укрепляет *российскую идентичность*, а вторая — *русскую идентичность*.

В дискурсе первых лиц России наблюдается постепенный переход от формирования гражданской идентичности к формированию гражданско-национальной идентичности россиян. Вызывает вопросы входящее в оборот словосочетание (**многонациональная**) **российская нация**:

(1) Д. А. Медведев: *Но нам действительно нужно вырабатывать новые подходы. И, несмотря на то, что мы иногда улыбались, когда говорили о новой советской общности, народе, на самом деле эта идея была абсолютно правильной. Другое дело, что такие конструкции, такие общности не на бумаге возникают и не по велению президентов или*

генеральных секретарей. Это результат многотрудной работы общества, десятилетней. Вспомним, что еще 40 лет назад в Соединенных Штатах Америки представители разных рас и национальностей зачастую сидели на разных лавках, а сейчас это весьма толерантное общество. И нам не нужно стесняться учиться. Но идея **российской нации** (Здесь и далее, если специально не оговорено иное, выделено мной. — М. Л.) абсолютно продуктивна, и ее не нужно стесняться [Стенографический отчет ... 27.12.2010];

(2) **В. В. Путин:** Мы и назвали его **Общероссийский народный фронт**, подчеркивая, что каждый человек в нашей стране может быть представителем любой конфессии, представителем любой этнической группы, но он в то же самое время должен осознавать, что он часть единой, **многонациональной российской нации** и гражданин Российской Федерации, и нести это звание с гордостью [Стенограмма встречи В. В. Путина ... 20.07. 2010].

Оппоненты таких дискурсивных употреблений напоминают, что Конституция Российской Федерации начинается с фразы «Мы, **многонациональный народ России** <...> принимаем настоящую Конституцию», указывая таким образом на абсурдность или неправомерность словосочетания *российская нация*. Более того, в патриотически или националистически настроенном дискурсе даже термин «россияне» в этом контексте воспринимается как русофобский:

(3) **Существование „российской нации“ возможно только в качестве исторического момента в развитии русской нации. При этом нельзя забывать, что в состав русской нации входят не только русские граждане РФ, но и русские жители всего бывшего СССР и не утратившая русских корней эмиграция в дальнем зарубежье. Строительство „российской нации“ в качестве отрицания или преодоления русской национальной идентичности объективно невозможно. Итак, если в России многонациональность и живет много народов, то именно один из них, русский народ составляет большинство и является государствообразующим народом. Если Россия — государство единой политической нации, то единственное имя этой нации — великий русский народ, русская нация** (выделено автором фрагмента — М. Л.). Никакого другого имени наш народ не примет. И единственным последствием навязывания „россиянства“ будет только полное отвержение прекрасного русского слова „россиянин“ и исчезновение его из великого русского языка [Холмогоров].

Между тем противоречие здесь кажущееся: толковые словари русского языка указывают второе значение слова *нация* — «государство, страна» (первое значение — «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литера-

турного языка, особенностей культуры и духовного облика») [БТС 2000]. Если государство, страна — Россия, то нация — российская, россияне (ср. Франция — французы, Америка — американцы и т. д.). Ср. значения слова *народ*: «1. Население той или иной страны. 2. Нация, национальность, народность» [Там же]. И вопрос актуализации второстепенной сегодня семантики слова *нация* — это вопрос времени.

Кстати говоря, утверждение А. Д. Васильева в работе «Русский, российский и другие (эпонимы и псевдоэпонимы)», сделанное им на основе текстов СМИ 1990-х гг., о том, что слово *россиянин* «семантически нечеткое и расплывчатое» [Васильев 2003: 211], сегодня многим гражданам России покажется неверным. См., например, следующие высказывания:

(4) **Иудаизм для меня — совершенно чуждая религия, а христианство мне ближе: я вырос на этой земле, я впитал ее в себя. Но я никогда не говорю, что я — русский. Ненавижу, когда грузин или татарин говорит: „Я вырос на русской земле и считаю себя русским“. Не надо себя считать. Ты — еврей, ты — татарин, ты — грузин <...> Казаки в каждом городе — свои. К сожалению, это уже стало лубочной игрой. Почему мне так близка тема казачества? Потому что я россиянин.** (Александр Розенбаум. Бультерьер (1987—1998); пример взят из Национального корпуса русского языка);

(5) **Я россиянин и люблю свою страну. Мне очень приятно было поиграть за сборную в этом году. Сбылась мечта 14-летнего пацана** [Хоккеист Алексей Ковалев...].

Если в Малом академическом словаре отожествляются понятия *русский* и *россиянин*: «РОССИЯНИН, -а, мн. -яне, -ян, м. Устар. и высок. Русский» [МАС], — то современные словари фиксируют расхождение их семантики, ср. следующие дефиниции: «Россиянин м. 1. Русские люди, представители восточно-славянского народа, государствообразующей нации, составляющей основное население России. 2. Граждане России. Уроженцы, жители России. 3. Представители этих граждан, уроженцев, жителей» [Ефремова]; «РОССИЯНЕ, -ян, мн. Жители, уроженцы России; граждане России» [ТССРЯ 2001].

Очевидно, что это новое значение слова *россиянин* появилось после распада СССР, когда возникла необходимость как-то именовать граждан Российской Федерации. Думается, его внедрению в языковую практику немало способствовал первый президент России Б. Н. Ельцин со своим знаменитым обращением «Дорогие россияне!». Существует и другая версия: «...русские стали превращаться в россиян (в речевой оборот, однако, пустил это слово писатель Николай Задорнов)» [Буйда 2000: 44].

В 2003 г. А. В. Васильев пишет: «Если пытаться прогнозировать дальнейшие эволюции компонентов пары *русский / российский*, то не-

трудно предвидеть, что *русский* будет все быстрее утрачивать денотативную основу; более того, он может перейти в пласт пейоративной лексики. Через какое-то время (вполне вероятно, исторически — довольно непродолжительно) соответствующие речедейтели откажутся от идентификации и самоидентификации при помощи этого слова» [Васильев 2003: 211]. Стратегия гражданско-национальной самоидентификации в официальном дискурсе действительно характеризуется определенным ограничением на использование слова «русский», превалярованием слова «российский». Логика данной стратегии очевидна: таким образом пытаются подчеркнуть равенство всех народов, населяющих современную Россию, не ущемив права ни одного из них.

Тем не менее слово *русский* вовсе не отсутствует в официальном дискурсе и, по сравнению с наименованиями других национальностей, оно, безусловно, преобладает. Однако оно, как правило, помещается в одном контексте со словом *российский*, так сказать, «через запятую» или «в скобках». Например:

(6) В.В. Путин: *Сегодня, когда люди попадают у нас в экстремальную ситуацию, они же прямо из тепличных условий туда попадают, никакой внутренней мотивации на совершение каких-то экстраординарных поступков, подвига — почти, вроде бы, и нет. И это еще сложнее, чем в условиях, когда все общество, вся страна мобилизована. А люди идут на это и совершают эти героические поступки, о которых я сказал. Это значит, что в сердце, в душе русского человека, российского гражданина это всегда есть. И я уверен, всегда будет [интервью Председателя Правительства ... 9.05.2010];*

(7) Д. А. Медведев: *Людмила Алексеевна [Вербицкая] говорила про русский мир... Русский мир расширяется, на самом деле, и это неплохо. Хотя, с другой стороны, существует целый ряд стран, где происходит сужение пространства, где используется русский язык. И в контексте как раз празднования зарождения русской государственности (российской государственности — по указу), я думаю, что мы должны думать о расширении русского мира всеми возможными способами [Заседание по вопросу ... 22.07.2011].*

Безусловно, употребленное выражение зарождения русской государственности (российской государственности — по указу) имеет право на существование, не противоречит ни истории, ни правилам семантики русского языка, однако оно может вносить некоторую неясность, затрудняя понимание ситуации: о зарождении какого государства идет речь и чей это праздник?

Вообще следует согласиться с Анджеем де Лазари в том, что в речевой практике (особенно в официальном дискурсе) необходимо разграничивать тавтологичные с этимологической точки зрения наименования «русский» и «рос-

сийский» [де Лазари 2011: 38]. Дело в том, что есть примеры отождествления лексем *русский* и *российский*:

(8) Д. А. Медведев: *Но если говорить серьезно, то мне хотелось бы уже к вам обратиться и сказать, что все вы несете очень важные знания нашим людям. И от того, на каком языке говорят наши средства массовой информации, зависит и язык наших детей, язык будущего. Поэтому, мне кажется, очень важно, чтобы все мы старались использовать грамотную и очень красивую российскую речь, наш родной русский язык, и популяризовать, и пропагандировать его в самых разных местах [Пресс-конференция Президента России. 18.05.2011].*

Вместе с тем мы наблюдаем и динамику официального дискурса. См. фрагмент (9) с метонимическим расширительным употреблением слова *русские* (в значении «страна», «Россия») в конце 2009 г. Полагаем, что сейчас президент не стал бы так говорить, т. е. описываемая речевая стратегия развивается, набирает обороты:

(9) Д.А. Медведев: *Даже несмотря на то, что мы этот договор [о сокращении стратегических наступательных потенциалов] подготовим и подпишем, мы всё равно будем заниматься развитием своих стратегических наступательных сил, потому что без этого нет возможности защищать нашу страну. Это тоже очевидно и нам, и американцам, это закон текущей жизни. Это не означает, что мы вообще не можем вести разговор, скажем, о безъядерном мире. Это красивая и, в общем, правильная цель, но к ней нужно двигаться, во-первых, постепенно, и, во-вторых, в этом должны принимать участие не только русские и американцы, но и другие страны, которые очень сильно стремятся прыгнуть в ядерный клуб, и от этого много проблем [Итоги года с Президентом России. 24.12.2009].*

Нужно заметить, правда, что употребление слова *российский* не всегда оправданно:

(10) В. В. Путин: *Вы знаете, я по-другому начал с возрастом воспринимать даже то, что слышал от них в детстве. Допустим, я знал, что мама ходила к отцу в госпиталь после ранения. Он ведь начинал войну, как он говорил, в партизанском отряде, а на самом деле это была диверсионная группа, как я позднее узнал. И более того, когда я был уже Президентом, я попросил — отца уже не было в живых, он уже из жизни ушел — архивные материалы. И действительно, все, что он мне рассказывал, я с удивлением обнаружил в документах. Все совпало до мелочей. Единственное, что я не знал, — там у них была группа 28 человек, которых забрасывали в так называемый „ближний тыл“ для совершения диверсионно-разведывательных операций, назад вернулось только четыре человека из 28. И чего я не знал, мне отец никогда не говорил — группу возглавлял российский гражданин, но*

немец по национальности [Интервью Председателя Правительства ... 9.05.2010]. Скорее всего, здесь более подходящим было бы использование слова *советский* вместо *российский*.

Толерантные установки правительства диктуют использование приема семантической генерализации в ответе на вопрос о русских (слова **все, всякий, каждый, любой, другие** и избегание названия только **русских**):

(11) **М. Ситтель:** „Не считаете ли Вы, что Правительство своей политикой вседозволенности к кавказцам довело ситуацию до агрессии со стороны **русских**?“. Это вопрос Андрея из Красноярска.

В. В. Путин: На самом деле нужно пресекать проявления экстремизма со всех сторон, откуда бы они ни исходили. И нельзя общей краской мазать **ни кавказцев, ни людей других национальностей**, хотя такой национальности, как кавказец, нет. Вообще никого нельзя мазать общей краской. Но нужно жестко пресекать любые крайние проявления.

М. Ситтель: Владимир Владимирович, в продолжение темы еще один вопрос мы получили „эсэмэской“: что ожидает нас, русских, проживающих на Северном Кавказе, после всех событий, которые произошли в Москве?

В. В. Путин: Я думаю, что нужно избавиться от всяких страхов. **Выходцы из всех регионов Российской Федерации — с Кавказа, с Дальнего Востока, из Сибири, из центральной части России** — должны себя одинаково комфортно чувствовать, где бы они ни проживали. Здесь очень большая роль принадлежит региональным органам власти, общественным организациям. Самое главное, **все люди, все граждане России, любого вероисповедания и любой национальности** должны осознать, что мы — дети одной страны [Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение].

Кроме того, В. В. Путину свойственно избегать прямой персональной национальной самоидентификации в ответе на вполне прямые вопросы, например:

(12) **Еременко Юрий Иванович**, Черниговская область: Господин Президент, нет ли на Вашем геологическом древе веточки с украинской окраской?

В. В. Путин: Юрий Иванович, нет. Как Высоцкий пел: „Если кто залез ко мне, то и тот татарин“. Но если по-серьезному, то **все мои родственники из Тверской губернии России, это где-то километров 200 от Москвы**. И в течение многих лет, многих столетий не только жили в одном месте, в одной деревне, но и ходили в одну и ту же церковь, как выяснилось, потому что все эти данные были получены из церковных документов. Но если бы у меня вдруг выяснилось, что у меня есть такие родственные связи, я бы этим только гордился. Мне нравится Украина [Стенограмма интервью Владимира Путина украинским телеканалам].

В отличие от стратегии официального дискурса, в котором ощущается стремление не обидеть представителей разных этносов России, пойти на компромисс, может быть, даже в ущерб интересам определенной группы, неофициальный дискурс недвусмысленно заявляет о приоритете русских: **(13) Мы должны потребовать ввести в наше законодательство учет русских национальных интересов; (14) Вместо того, чтобы четко и внятно сказать о руководящей роли Русской нации, и сделать это важнейшим фактом государственной этнополитики, мы слышим лепет о многонациональности и многоконфессиональности России** [О необходимости русского национализма].

Авторы оппозиционного дискурса оправдывают борьбу с властью, приписывая этой борьбе положительные качества: **(15) И этот враг окопался на самой вершине Российской власти. Прав Владимир Васильевич Квачков в своей статье о национальном восстании: „Национальная буря неизбежна. Суровая и беспощадная к оккупантам и их пособникам, опасная, но радостная, веселая и разухабистая для русского народа. И никакой гражданской войны не будет. Не с кем, нам, русским, украинцам, белорусам, татарам и другим коренным народам в России воевать. Чтобы взять за шиворот и посадить в кутузку правительство национальных изменников и предателей, хватит несколько грузовых автомобилей. Еще по грузовику на банкиров и телевидение, по ‘газели’ — на нефтяные и газовые кампании. На всю так называемую Государственную Думу хватит караула в составе взвода, который объявит о своей усталости. Вот и весь бунт“** [Букварь русского человека].

При этом к «русским» часто причисляются и другие народы, чаще всего украинцы и белорусы, а также татары, башкиры, народы Севера и др.:

(16) **В. В. Квачков:** В этом городе, в этих сотнях деревень, уничтоженных вами, находятся десятки тысяч людей. Вам дорог Чубайс, а мне дороги миллионы русских людей — татар, башкиров, якутов... [Интервью Владимира Квачкова].

(17) Даже одни только этнические русские (без учета огромного числа „русских по духу“ из других этносов) составляют сегодня 80 % населения России, которая тем самым, по стандартам ООН, считается моноэтническим Русским государством. ... Быть „русским не по крови, а по духу“ — означает быть сотрудником в нашем общем доме „Российском Доме“, равным в правах и обязанностях. Это будет „русская по духу“ **Нация, даже если в целях модной сегодня политкорректности нам придется именовать ее „российской“** [Медведев, Хомяков 2006].

Дискурс первой разновидности социолог А. Н. Малинкин отнес к центристскому типу, для

которого «сформировать новую российскую идентичность — значит построить новое политически сильное и экономически благополучное российское государство по принципу „нация-государство“, сохранив лучшие традиции российской национальной и политической культуры. Для этого нужны усилия самого российского народа, всех этносов и конфессий» [Малинкин 2001].

Патриотически/националистически настроенный дискурс относится, по А. Н. Малинкину, к фундаменталистскому типу: «Их национализм имеет откровенно этноцентрический характер. Россия для них — русская цивилизация, Святая Русь, страна для русских» [Малинкин 2001].

Он же 10 лет назад сформулировал выход из сложившегося противостояния дискурсов идентичности официальной позиции и радикально настроенной оппозиции: «На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Недоразумение может возникнуть лишь вследствие смешения двух тесно взаимосвязанных, одинаково необходимых, но не взаимозаменяемых национальных идей — русской и российской. Их отождествление — ошибка, ведущая к ложной дилемме: либо наднациональная российская идея в Российском государстве с целью построения гражданско-политической „нации-государства“ — либо русская идея в русском государстве, с последующей русификацией всех народов России. Если исходить из этой ложной дилеммы, то отказ от русского национализма может показаться приемлемым выбором меньшего из двух зол. В действительности, такой отказ не необходим» [Малинкин 2001].

За это время официальный дискурс перестроился от формирования исключительно гражданской, наднациональной идентичности к формированию «российской многонациональной нации», а оппозиционный дискурс в целом стал более мягким, завуалированным и политкорректным (см., напр., фрагмент (17)).

Противостояние оппозиции стало более изоцированным: это уже не заочный диалог «русских патриотов» с «нерусской властью». В дискурсе ненависти стал активно использоваться инструмент официального дискурса — понятия *российский, россияне*. Так, К. Крылов в статье «Россияне и русские. К постановке проблемы» описывает россиян и русских как два разных народа, проживающих на территории России, различия которых видит не столько в крови, в происхождении, сколько в установках и поведении:

(18) На одной и той же территории уже довольно давно живут ДВЕ РАЗНЫЕ НАЦИИ, ОШИБОЧНО ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ОДНУ [здесь и далее выделено автором фрагмента — М.Л.]. *Разница между „русскими-1“ и „русскими-2“ похожа на разницу между сербами и хорватами: представители этих двух народов имеют одинаковые антропологические признаки и пользуются одним и тем же языком. Но, в отличие от сербов и хорватов, сами предста-*

вители этих двух „русских“ народов не осознают, что они составляют две разные нации. Однако они сильно различаются по моделям поведения, этическим системам, отношению к другим народам и даже (в последнее время) по самоназванию: одни предпочитают называть себя русскими, другие — россиянами. Последний термин, появившийся, казалось бы, случайно (как дубликат термина „коренной житель одной из областей России“), сейчас становится фактическим самоназванием НОВОГО НАРОДА, не тождественного „русским“. Соответственно, самоназвания типа „демократы“ и „патриоты“ маркируют осознавшую свою идентичность часть населения России. В этом контексте „патриот“ — это просто житель России, сознательно считающий себя русским. Соответственно, „демократ“ — это русскоязычный житель России, осознавший, что он не русский, или, так сказать, „другой“, „новый“, „не такой“ русский. <...> Специфика положения россиян состоит в том, что это молодой и достаточно агрессивный этнос, вынужденный жить на уже заселенной территории. Интересно отметить, что само слово „россиянин“ чем-то похоже на слово „американец“: чувствуется, что так себя называть может не коренное население, а некие „поселенцы“.

Здесь, разумеется, сложно не заметить подмены политического аспекта этнической идентификацией. Удивляет и упорная близорукость оппозиционного дискурса в вопросе о многонациональной России. Представляется, что авторам официального дискурса необходимо, прислушавшись к этому голосу русских, а также ко всем другим этническим голосам России, предпринять корректирующие шаги. И самое малое, что можно будет сделать в этот переходный период, — не порождать двусмысленные контексты путем смешения в дискурсивном пространстве разных лексико-семантических вариантов лексем *российский, Россия*: а) «русский» и б) «государственный».

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка = БТС / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000.
 Буйда Ю. Щина // Знамя. 2000. № 6. С. 6—71.
 Васильев А. Д. Русский, российский и другие (этнонимы и псевдоэтнонимы) // Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: очерки новейшего словоупотребления. — М. : Флинта : Наука, 2003.
 Ершов П. М. Потребности человека. — М. : Мысль, 1990.
 Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
 де Лазари А. Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 38—42.
 Малинкин А. Н. Новая российская идентичность: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. URL: <http://www.socjournal.ru/release/24>.
 Палагута В. И. Субъективность как множественность самоидентификаций (онтологический аспект) // Грані. — Киев, 2009. № 4 (66). С. 46—51.
 Словарь русского языка : в 4 т. = МАС / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. — М. : Русский язык, 1985—1988.
 Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия = ТССРЯ / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складарской. — М. : Астрель : АСТ, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова